

УДК 93/94

Реутова Юлия Евгеньевна, магистрант, исторический факультет, ФГБОУ ВО «Курский государственный университет», г. Курск, Россия

e-mail: yuliya.reutova.02@mail.ru

Научный руководитель: Соиников Алексей Анатольевич, доктор исторических наук, профессор кафедры истории России, исторический факультет, ФГБОУ ВО «Курский государственный университет», г. Курск, Россия

e-mail: profsoin@mail.ru

ПРОСВЕЩЕНИЕ И САМООБРАЗОВАНИЕ
ПЕТЕРБУРГСКОГО ПРОЛЕТАРИАТА В 1905–1907 ГГ.
В ОТРАЖЕНИИ ИСТОЧНИКОВ И ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Аннотация. В данной статье рассматривается состояние грамотности населения в начале XX века в Российской империи, а также анализируется, как революционные события в 1905–1907 гг. влияли на просвещение и самообразование рабочих.

Ключевые слова: рабочие, периодическая печать, цензура, первая российская революция, грамотность.

Yulia Evgenievna Reutova, Master's Student, Department of History, Kursk State University, Kursk, Russia

e-mail: yuliya.reutova.02@mail.ru

Academic Supervisor: Aleksey Anatolyevich Soynikov, Doctor of Historical Sciences, Professor, Department of Russian History, Department of History, Kursk State University, Kursk, Russia

e-mail: profsoin@mail.ru

EDUCATION AND SELF-EDUCATION OF THE ST. PETERSBURG
PROLETARIAT IN 1905-1907 AS REFLECTED BY SOURCES AND RUSSIAN
LITERATURE

Abstract. This article examines the state of literacy in the Russian Empire at the beginning of the 20th century and analyzes how the revolutionary events of 1905-1907 influenced the education and self-education of workers.

Key words: workers, periodical press, censorship, first Russian revolution, literacy.

Повседневность рабочих Санкт-Петербурга в начале XX века складывалась под воздействием макроэкономических факторов (дороговизна жизни в столице империи, высокая конкуренция на рынке рабочей силы, высокая продолжительность рабочего дня и др.), социальных факторов (наличие в столице десятков тысяч крестьян, сохранявших приверженность общинным нормам и ценностям, и испытывавшим большие трудности при адаптации к городскому укладу жизни, а также значительной доли потомственного пролетариата, более прочно связанного с ценностями городского социума) и культурных факторов (высокая степень концентрации и относительная доступность для трудящегося населения передовых культурных элементов городской среды – кинематографа, школ, библиотек и др.).

Общая неустроенность быта большей части рабочего населения столицы, скудные возможности удовлетворения культурных запросов в сочетании с изнурительными условиями труда на фабриках и заводах, неразвитость трудового законодательства и нерешенность рабочего вопроса: такие специфические черты превратили петербургский пролетариат в движущую силу русской революции вплоть до Великой Октябрьской социалистической революции.

С.В. Бернштейн-Коган в своей работе «Численность, состав и положение петербургских рабочих: Опыт. стат. исслед.» отмечал, что рабочие

выгодно выделяются по своей грамотности из общей массы населения: среди рабочих малограмотные составляют 59,9 %, среди работниц 34,9 %. Если вообще рабочие грамотнее всей массы населения, то петербургские рабочие грамотнее всей массы рабочих в Империи. Процент грамотных рабочих м. п. в Петербург 74,8 % (против 59,9 % в Империи), работниц—40,8 % (против 34,9 % в Империи). Однако, если мы сравним петербургских рабочих с населением столицы (от 10 лет), то сравнение окажется не в пользу рабочих: процент грамотных среди всего населения Петербурга для мужчин 80,4 (против 74,8 среди рабочих м. п.), для женщин—58,7% (против 40,8 среди работниц) [1, с. 148]. Несмотря на высокий уровень грамотности среди рабочих по сравнению с общей имперской статистикой, городские жители в целом более образованы, чем сами рабочие, что подчеркивает привилегированное положение городского населения Петербурга и возможные ограничения в уровне образования в рабочем классе.

Так, в своей статье Т.В. Шукшина «За веру, царя и отечество!» Слухи и радикальный патриотизм в России октября 1905 г. отмечала, что младшие поколения рабочих находятся в отношении элементарного образования как бы в меньшей зависимости от своего занятия, чем поколения, им предшествовавшая. Последние были грамотны главным образом в тех случаях, когда это являлось экономической необходимостью. Младшие же поколения могут приобретать грамотность и в тех случаях, когда она не является непременным условием участия в данной профессии—факта, знаменующий несомненное улучшение в культурных условиях жизни рабочих [6]. Особенно важно отметить, что молодое поколение рабочих становится всё менее зависимым от профессиональной необходимости в грамотности, что свидетельствует о постепенных улучшениях в культурных условиях жизни рабочих и их доступе к образованию.

Однако, громкие заявления либеральной печати того времени, заклеившей всех участников крайне правых выступлений эпитетами «сброд» и «отбросы общества», активные «патриоты» в большинстве не были

выходцами из подворотен и ночлежных домов. Крестьяне, купцы, рабочий люд, извозчики, солдаты, матросы, казаки, учащиеся, женщины и дети – бедные и зажиточные приняли участие не только в верноподданнических манифестациях, но также и в стихийно следовавших за ними уличных побоищах и грабежах. Малочисленные и растерявшиеся перед лицом беспорядков представители полиции оказались не в силах их остановить [6]. Ослабленные и неподготовленные к беспорядкам силы полиции не смогли удержать ситуацию, что свидетельствует о сложной и хаотичной обстановке в дни протестов. Вне зависимости от того, каким образом начинались волнения, немаловажную роль в разжигании страстей играли елухи. Именно они зачастую становились теми искрами, которые превращали мирную патриотическую манифестацию в погром, носивший, как правило, антисемитский и антиреволюционный характер [6]. Благоприятная почва для слухов часто возникала благодаря мнимым или реальным выстрелам в толпу манифестантов, идущих с национальными флагами, иконами и портретами государя. Как правило, эти выстрелы якобы совершались неизвестно кем из (или со стороны) еврейских домов [6].

Это свидетельствует о наличии заготовленных или провокационных элементов, использовавшихся для обострения конфликта и разжигания межэтнической напряжённости. Однако, уже 20 октября путиловцы начали было работать, но на завод явилась толпа, человек до 500 студентов, и опять взбаламутила пол-завода, между забастовщиками и желавшими работать пошла драка, в которую вынуждены вмешаться войска, и опять были жертвы. Ожидания, отраженные в слухах, в октябре 1905 г. касались, прежде всего, прекращения «беспорядков». Под «беспорядками» понималась жизнь, полная нестабильности и неопределенности, революционных выступлений и режущих слух «свободолюбивых» возгласов. Под ними подразумевались различного рода притеснения как морального, так и бытового и экономического характера, которыми была насыщена переломная эпоха и для борьбы с которыми

традиционное сознание требовало персонификации «зла» – четкого определения врага [6].

Дезориентация обывателей после провозглашения Манифеста 17 октября 1905 г. и в результате последовавших за этим митингов и других выступлений «левых» сил была усугублена растерянностью местных властей и силовых структур. Неопределенное молчание с их стороны не способствовало направлению в нужное русло энергии возмущенной толпы или спаду эмоциональной напряженности, возникшей в обществе. Отсутствие информации и инициативы «сверху» приводило к стихийной организации управления ситуацией «снизу». В этом случае слухи как раз и явились незримыми режиссерами «беспорядков», которые с их помощью «упорядочивались». Неофициальная информация становилась готовой программой, на основании которой селяне и горожане могли степенно, размеренно, с пониманием дела, без лишней суеты и паники наказывать своих «врагов». В погромах, таким образом, находилось место как «праведному гневу», так и ликующему торжеству над поверженным неприятелем [6].

Отсутствие четкого руководства со стороны властей и недостаток официальной информации способствовали стихийной организации протестных действий и насилия, при этом слухи служили своего рода «незримыми дирижёрами», определяющими направления и характер массовых событий. В таких условиях возникали ситуации, когда народ, руководимый слухами и эмоциями, мог как проявлять «праведный гнев», так и торжествовать над «врагами», что подчеркивает роль неподконтрольных официальным структурам настроений в ходе революционных событий. В декабре 1905 г. на окраинах происходили мелкие стычки рабочих с войсками, есть убитые и раненые [4]. Особенно по Шлиссельбургскому тракту, голод, среди рабочих раскол, так как большинство хочет стать на работы; вожак все арестованы.

6 марта 1906 г. собрание представителей рабочих от типографий больших петербургских газет возобновило кампанию и установление воскресного отдыха. Впервые петербургские газета наборщики добились

невыхода на работу по воскресным праздничным дням в апреле 1905 г. Владельцам пришлось прекратить выпуск газет по понедельникам. Однако вскоре издательство признав право штатных рабочих на воскресный отдых, возобновил выход номеров после выходных, приглашая наборщиков. Не добившись полного прекращения забот типографий в праздничные дни. Союз печатников не смог удержать рабочих от соблазна дополнительного заработка, и вскоре большинство печатных заведений возобновили работу по выходным дням штата составом наборщиков. Многие издатели, обещавшие Союзу весной 1905. г. прекратить выпуск газет в послепраздничные дни с 1 января 1906 г., воспользовались наступившей реакцией и своего слова не сдержали [3].

11 марта 1906 г. к требованию воскресного отдыха присоединилось общее собрание рабочих всех отделов газетных типографий, на котором присутствовало около 500 чел. В резолюции подчеркивалось, что «воскресный отдых необходим для нормальной личной и общественной жизни рабочего класса». Рабочих поддержали сотрудники ежедневных изданий: «Сегодня не вышло ни одной газеты – все забастовало. Толпы рабочих весьма чинно расхаживали вчера по улицам, заходили на фабрики и даже в небольшие заведения вроде переплетных, сапожных и т. п. и везде прекращали работу» [4]. Такой масштабный протест свидетельствовал о растущей социальной активности рабочего класса и потребности в улучшении условий труда и отдыха. 9 января «из газет вышел только «Правительственный вестник», такой же пустой, как и само правительство» [4].

7 июня 1906. фабрики в большинстве случаев отпускали бумагу в кредит, иначе они стали бы совсем, так как наличных денег теперь сильно поубавилось на Руси; издательства берут в кредит и печатают; но продать теперь можно только что-либо очень резкое, и книги по выходе в свет весьма скоро конфискуются полицией. Результаты ясны. Газеты, несмотря на страшный спрос на них, в железных тисках и держатся только продажей в розницу. Дальше их не выпускают: конфискуют или в почтамте, или же целыми тюками на местах получения. Даже дела такой распространенной газеты, как

«Наша жизнь», висят на волоске; юмористические журналы поумирали уже почти все, а с 17 октября выпрыгнуло их в свет около 80 [4]. Несмотря на высокий спрос, публикации подвергались жесткому контролю и цензурным ограничениям, что приводило к сокращению выпуска, закрытию и почти полному исчезновению юмористической и протестной печати. Это свидетельствовало о сильных подавляющих мерах и кризисе свободы слова в тот период.

В семьях средний расход на газету только немногим меньше расхода передовых рабочих. Одну и главную причину такого явления мы уже указали: артельную покупку у одиноких. Здесь нужно прибавить и вторую: неоднородность покупаемых газет. Именно в семьях почти обязательен праздничный «Петербургский листок» (5 коп. номер). По-видимому, он приобретается не только для курения: большую роль играют праздничные «картинки», составляющие предмет общесемейного интереса, и затем, нужно думать, «убийства» и прочая сенсационная специальность «Листка». Мы говорим это потому, что натолкнулись в одной из семей на постоянное получение «Листка» (от газетчика) – крайне редкий случай ежедневной газеты в семье.

Передовые же, да и вообще рабочие в предыдущем году покупали главным образом «Современное слово» (2 коп. номер). Артели большею частью договариваются с газетчиком помесечно, семейные покупают в розницу: 2–3–4 номера, смотря по состоятельности, в неделю. При редкой покупке газет, когда счет ведется уже не на неделю, а на месяц, помимо «С. с.» покупаются и различные вечерние газеты (2 коп. номер). При дополнительном обходе «С. е.», повысившее цену до 3 к., оказалось почти везде вытесненным «Газетой-копейкой», появившейся к тому времени. Рабочие советовались с нами, как быть ввиду наложенного на эту газету профессиональными союзами бойкота: «Другую газету нам читать трудно: велика. А эту и за станком прочтешь...» Подписки на газету мы не встречали [2]. Ограниченность подписок и преобладание разовых покупок свидетельствуют о стихийных, экономически

обусловленных формах потребления газеты и о сложности навязывания постоянных информационных каналов. Такие особенности подчеркивают важность газет как источника не только новостей, но и развлечений, культурных ценностей и семейных ритуалов в условиях массовых социальных изменений.

Введение воскресного отдыха в газетных типографиях Петербурга 16 апреля 1906 г. было встречено издателями спокойно, как дело неизбежное. Только владельцы газеты «XX век» ответили увольнением всех рабочих, но сами тут же оказались под бойкотом [5]. Установление воскресного отдыха в типографиях стало большой победой Союза печатников, одержанной в трудных условиях и еще более укрепившей авторитет этого профессионального общества.

В мае-июне 1906 г. Союз рабочих печатного дела успешно завершил кампанию за воскресный отдых, начатую еще в марте. Издатель газеты «XX век» А.А. Суворин единственный в Петербурге отказался выполнить требование печатников. Он рассчитал своих рабочих, нанял штрейкбрехеров и их силами попытался продолжить выпуск газеты в прежнем режиме. Однако организованный Союзом бойкот оказался столь эффективным, что тираж газеты «XX век» стал стремительно падать, и терпящий убытки Суворин в начале обратился к печатникам с предложением разрешить конфликт при помощи третейского суда. Его заседания проходили с 23 мая по 4 июня, и судьи, представлявшие разные стороны и имевшие различные политические убеждения, подавляющим большинством голосов высказались в пользу Союза рабочих печатного дела.

А.А. Суворин, мотивировавший свою позицию тем, что «во время работы Государственной думы органы прогрессивной прессы должны выходить» ежедневно, вынужден был исполнить все требования Союза [3]. Успехи Союза рабочих печатного дела повышали его авторитет среди рабочих города и привлекали в его ряды новых членов. В конце мая 1906 г. вступить в Союз решили рабочие писчебумажных фабрик Печаткина, Варгунина. Наумана

и Пализена, образовав секцию писчебумажников. Усиленно записывались рабочие экспедиции заготовления государственных бумаг, и даже в Союзе факторов я управляющих заговорили о желательности войти целиком в Союз рабочих печатного дела [4]. Авторитет Союза способствовал развитию организационного творчества печатников, заставляя хозяев и той области идти на значительные уступки рабочим.

Таким образом, в рассматриваемый период образованные рабочие составляли меньшинство, т.к. основная часть пролетариата демонстрировала крайне низкие культурные запросы. Тем не менее, установлено, что «сознательным» рабочим, проявлявшим культурные запросы и стремившимся не только к овладению грамотой, расширению кругозора, но и к получению технических знаний для повышения собственной квалификации, открывался ряд возможностей.

Список литературы и источники:

1. Бернштейн-Коган С.В. Численность, состав и положение петербургских рабочих: Опыт. стат. исслед. СПб.: Петерб. политехн. ин-т имп. Петра Великого, 1910. С. 148–161.
2. Давидович М. Петербургский текстильный рабочий в его бюджетах. СПб.: типо-лит. Шредера, 1912. С. 31.
3. История Ленинградского союза рабочих полиграфического производства: Коллективный труд. Л.: Ленингр. губотд. Союза рабочих полигр. произв. СССР, 1925. С. 263–272.
4. Минцлов С. Р. Петербург в 1903–1910 годах. М.: Издательство Юрайт, 2023. С. 174.
5. Наша жизнь. 1906. 22 апреля.
6. Шукшина Т.В. «За веру, царя и отечество!» Слухи и радикальный патриотизм в России октября 1905 г. // Слухи в России XIX–XX веков. Неофициальная коммуникация и «крутые повороты» российской истории. Челябинск, 2011. С. 321–333.